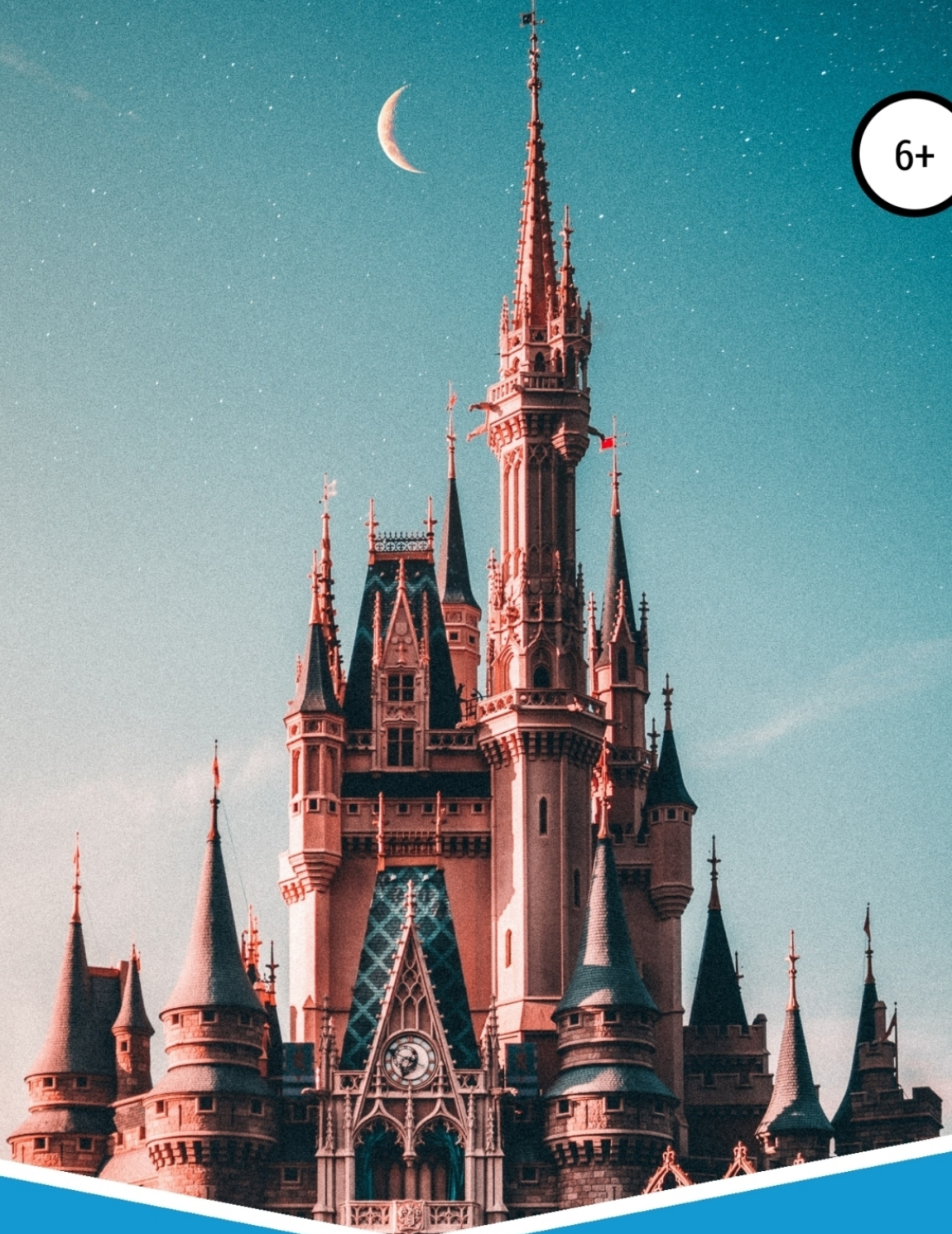

6+

Эдит Несбит
Волшебный город

Эдит Несбит
Волшебный город

«ЛитРес: Самиздат»

1910

Несбит Э.

Волшебный город / Э. Несбит — «ЛитРес: Самиздат», 1910

ISBN 978-5-532-98255-0

Эта книга рассказывает о необычных приключениях и дружбе двух детей, которые попали в волшебный мир.

ISBN 978-5-532-98255-0

© Несбит Э., 1910
© ЛитРес: Самиздат, 1910

Содержание

Начало	5
Спаситель или разрушитель	15
Потеря	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдит Несбит

Волшебный город

Начало

Филипп Холдейн и его сестра жили в маленьком домике с красной крышей в маленьком городке. У них был маленький садик и маленький балкон, и маленькая конюшня с маленьким пони в ней, и маленькая тележка для пони, чтобы возить их; маленькая канарейка висела в маленькой клетке в маленьком эркере, и аккуратный маленький слуга держал все таким же ярким и чистым, как маленькая новая булавка.

У Филиппа не было никого, кроме сестры, а у нее не было никого, кроме Филиппа. Их родители умерли, и Хелен, которая была на двадцать лет старше Филиппа и на самом деле была его сводной сестрой, была единственной матерью, которую он когда-либо знал. И он никогда не завидовал другим мальчикам, их матерям, потому что Хелен была такой доброй, умной и милой. Она отдавала ему почти все свое время; она учила его всем урокам, которые он выучил; она играла с ним, изобретая самые замечательные новые игры и приключения. Так что каждое утро, просыпаясь, Филипп знал, что его ждет новый день, полный радостных и интересных событий. И так продолжалось до тех пор, пока Филиппу не исполнилось десять лет, и у него не было ни малейшего сомнения, что так будет продолжаться вечно. Начало переменам положил один день, когда они с Хелен отправились на пикник в лес, где был водопад. Назад их вез толстый старый пони. Он был так добр и спокоен, что Филиппу разрешили взять удила. Они ехали по последнему переулку перед поворотом, где стоял их дом, и Хелен сказала:

– Завтра прополем грядку с астрами и выпьем чай в саду.

– Весело, – сказал Филипп, и они повернули за угол, где показались белые садовые ворота. Из них выходил человек, который не был одним из друзей, которых они оба знали. Он повернулся и пошел им навстречу. Хелен положила руку на поводья, хотя она всегда учила Филиппа так не делать, и пони остановился. Мужчина, который был, как выразился про себя Филипп "высоким и в твидовом костюме" прошел перед носом пони и встал рядом с колесом с той стороны, где сидела Хелен. Она пожала ему руку и спросила, – как поживаете?, – совершенно обычным тоном. Но после этого они стали перешептываться. Говорили шепотом! А Филипп знал, как невежливо говорить шепотом, потому что Хелен часто говорила ему об этом. Он услышал одно или два слова: "наконец-то", и "кончено", и "значит, сегодня вечером".

После этого Хелен сказала, – это мой брат Филипп. И мужчина пожал ему руку через Хелен, что опять же было не по этикету, и Филипп это знал, и сказал, – надеюсь, мы будем лучшими друзьями. Фил ответил, – приятно познакомиться, – но про себя он подумал: "Я не хочу с тобой дружить".

Потом мужчина снял шляпу и ушел, а Филипп с сестрой отправились домой. Она казалась какой-то другой, и его отправили спать чуть раньше обычного, но он долго не мог заснуть, потому что услышал звонок в парадную дверь, а потом мужской голос и голос Хелен, которые все говорили и говорили в маленькой гостиной под комнатой, служившей ему спальней. Наконец он заснул, а когда проснулся утром, шел дождь, и небо было серым и несчастным. Он потерял запонку на воротнике, порвал чулок, когда натягивал его, прищемил дверью палец и уронил зубную кружку, в которой тоже была вода, и кружка разбилась, и вода попала ему в сапоги. Знаешь, бывают такие утра, когда все происходит именно так. Это было одно из них.

Потом он спустился к завтраку, который казался не таким вкусным, как обычно. Конечно, он опоздал. Беконный жир посерел от ожидания, сказала Хелен веселым голосом, который

всегда говорил все, что ему больше всего нравилось слышать. Но Филипп не улыбнулся. Утро было не из тех, чтобы улыбаться, и серый дождь барабанил в окно.

– Чай в саду откладывается на неопределенное время, а для уроков слишком сыро, – сказала Хелен после завтрака.

Это была одна из ее очаровательных идей, что сырые дни не должны ухудшаться уроками.

– Что будем делать? – спросила она, – поговорим об острове? Сделаем еще одну карту? И поставим все сады, фонтаны и качели?

Остров был их любимой игрой. Они представляли, что где-то в теплых морях, где растут пальмы и радужные пески, есть остров – их собственный остров, украшенный их фантазией всем, что им нравится и чего они хотят, и Филипп никогда не уставал говорить об этом. Временами он почти верил, что остров существует на самом деле. Он был королем острова, а Хелен – королевой, и никого другого на него не пускали. Только их двоих.

Но в это утро даже мысль об острове не могла его очаровать. Филипп отошел к окну и уныло посмотрел на мокрую лужайку, на мокрые деревья лабурнума и на ряд дождевых капель, жирно свисающих с железных ворот.

– В чем дело, малыш? – спросила Хелен. – Только не говори мне, что у тебя будет ужасная корь, или раскаленная скарлатина, или шумный коклюш.

Она подошла и положила руку ему на лоб.

– Да ты просто горячий, мальчик моего сердца. Скажи сестре, в чем дело?

– Это ты мне скажи, – медленно произнес Филипп.

– Что мне тебе сказать, малыш?

– Ты считаешь, что я должен переносить это в одиночку, как в книгах, и быть благородным и все такое. Но ты должна сказать мне; ты обещала, что у тебя никогда не будет от меня секретов, Хелен, ты это знаешь.

Хелен обняла его и ничего не сказала. И из ее молчания он сделал самые отчаянные и мучительные выводы. Молчание продолжалось. Дождь журчал в водопроводной трубе и капал на плющ. Канарейка в зеленой клетке, висевшей на окне, склонила голову набок и, выщипнув семечко, бросила его Филиппу в лицо, а затем вызывающе защебетала. Но сестра ничего не сказала.

– Не надо, – вдруг сказал Филипп, – не надо мне ничего говорить, скажи прямо.

– Сказать тебе что? – повторила она.

– В чем дело? – спросил он. – Я знаю, как происходят эти непредвиденные несчастья. Всегда кто-нибудь приходит, и тогда все в семье рушится.

– Ты о чем? – спросила она.

– Несчастье, – задыхаясь, проговорил Филипп. – О, Хелен, я не ребенок. Скажи мне! Неужели мы потеряли наши деньги в лопнувшем банке? Или хозяин собирается приставить приставов к нашей мебели? Или нас будут ложно обвинять в подделке документов или в том, что мы грабители?

Все книги, которые Филипп когда-либо читал, работали вместе в его уме, чтобы произвести эти печальные предположения. Хелен рассмеялась и тут же почувствовала, как брат резко высвободился из ее объятий.

– Нет, нет, мой малыш, дорогой, – поспешила сказать она. – Ничего ужасного не случилось.

– Тогда в чем дело? – спросил он с нарастающим нетерпением, которое, казалось, грызло его изнутри, как волк.

– Я не хотела рассказывать тебе все в такой спешке, – сказала она с тревогой, – но ты не волнуйся, мой мальчик. Это то, что делает меня очень счастливой. Я надеюсь, что и тебя тоже.

Он повернулся в ее объятиях и посмотрел на нее с внезапным восторгом.

– О, Хелен, дорогая, я знаю! Кто—то оставил тебе сто тысяч фунтов в год, кто-то, для кого ты когда-то открыла дверцу вагона, – и теперь у меня есть собственный пони. Я могу взять пони?

– Да, – медленно проговорила Хелен, – ты можешь взять пони, но мне никто ничего не оставил. Послушай, малыш, – быстро добавила она, – не задавай больше никаких вопросов. Я тебе скажу. Когда я была совсем маленькой, как ты, у меня был милый друг, с которым я играла целыми днями, а когда мы выросли, мы все еще были друзьями. Он жил совсем рядом с нами. А потом женился на другой. А потом его жена умерла. И теперь он хочет, чтобы я вышла за него замуж. И у него много лошадей, красивый дом и парк, – добавила она.

– А где я буду?– спросил Филипп.

– Со мной, конечно, где бы я ни была.

– Но теперь мы будем не только вдвоем, – сказал Филипп, – и ты сказала, что так будет всегда.

– Но тогда я еще не знала, Фил, дорогой. Он так давно хотел быть со мной ...

– Разве я не хочу быть с тобой? – сказал себе Филипп.

– И у него есть маленькая девочка, с которой тебе так понравится играть, – продолжала она. – Ее зовут Люси, и она всего на год младше тебя. И вы будете с ней самыми лучшими друзьями. И у вас обоих будут пони, и ...

– Я ненавижу ее, – крикнул Филипп очень громко, – и я ненавижу его, и я ненавижу их мерзких пони. И с этими страшными словами он отшвырнул ее руку и выбежал из комнаты, нарочно хлопнув за собой дверь.

Она нашла его в чулане, среди гетр, калош, крикетных палок и старых ракеток, и они плакали и обнимались, и он сказал, что сожалеет о своем непослушании. Но в глубине души он сожалел только об одном. Он сожалел, что сделал Хелен несчастной. Он все еще ненавидел "этого человека", а больше всего Люси.

Он должен быть вежлив с этим человеком. Его сестра очень любила его, и это заставляло Филиппа ненавидеть его еще больше, но в то же время заставляло тщательно скрывать свою ненависть. Кроме того, он чувствовал, что ненавидеть этого человека было не совсем справедливо по отношению к его сестре, которую он любил. Но не было никаких чувств такого рода, которые могли бы помешать тому отвращению, которое он испытывал к Люси. Хелен сказала ему, что у Люси светлые волосы и она заплетает их в две косы.; и он представил ее себе толстой, коренастой маленькой девочкой, точно такой же, как девочка из рассказа "Сахарный хлеб" в старой продолговатой книжке "Шоколовый Питер", которая принадлежала Хелен, когда она была маленькой.

Хелен была совершенно счастлива. Она делила свою любовь между мальчиком, которого любила, и мужчиной, за которого собиралась выйти замуж, и верила, что они оба так же счастливы, как и она. Мужчина, которого звали Питер Грэхем, был вполне счастлив; мальчик, которого звали Филипп, изображал счастье, потому что она хотела видеть его таким, но под этим весельем он чувствовал себя несчастным.

И день свадьбы наступил и ушел. И Филипп в один очень жаркий день поехал на странных поездах и в странном экипаже в странный дом, где его встретили странная няня и ... Люси.

– Ты ведь не будешь возражать против того, чтобы остаться в прекрасном доме Питера без меня, правда, дорогой? – спросила Хелен. – К тебе все будут добры, а также вы с Люси сможете играть вместе.

И Филипп сказал, что не возражает. Что еще он мог сказать, чтобы не быть непослушным и не заставить Хелен снова плакать?

Люси ни капельки не походила на ребенка из "Сахарного Хлеба". Правда, у нее были светлые волосы, заплетенные в две косы, но они были очень длинными и прямыми; сама она была длинной и худой, с веснушчатым лицом и яркими веселыми глазами.

– Я так рада, что ты пришел, – сказала она, встретив его на ступеньках самого красивого дома, который он когда-либо видел, – мы можем играть теперь во все, во что ты не можешь играть, когда ты один. Я единственный ребенок в семье, – добавила она с какой-то меланхолической гордостью. Потом она рассмеялась, -только" рифмуется с "одиноким", не так ли?

– Не знаю, – сказал Филипп с нарочитой фальшью, потому что знал это очень хорошо. Больше он ничего не сказал.

Люси попробовала еще два или три раза начать разговор, но Филипп противоречил всему, что она говорила.

– Боюсь, что он очень, очень глуп, – сказала она своей няне, чрезвычайно опытной няне, которая твердо согласилась с ней.

А когда на следующий день к ней пришла тетушка, Люси сказала, что этот новый мальчик глуп и не только глуп, но и неприятен, и Филипп подтвердил это мнение о его поведении до такой степени, что тетушка, которая была молода и ласкова, немедленно упаковала вещи Люси и увезла ее на несколько дней.

Итак, Филипп и няня остались в Грейндж. В доме не было никого, кроме слуг. И теперь Филипп начал понимать, что такое одиночество. Письма и открытки с картинками, которые его сестра каждый день присылала из странных городов на континенте Европы, где она проводила свой медовый месяц, не радовали мальчика. Они просто раздражали его, напоминая о том времени, когда она была полностью его собственностью и была слишком близка к нему, чтобы посылать ему открытки и письма.

Чрезвычайно вышколенная няня, одетая в серую униформу, белый чепец и фартук, в глубине души не одобряла Филиппа. “Сварливый маленький поросенок” так она называла его про себя.

– Он необычайно трудный и неприятный ребенок. Я полагаю, что его образованием очень пренебрегли. Ему нужна крепкая рука.

Однако она не стала крепко держать его за руку. Она относилась к нему с безразличием, более раздражающим, чем тирания. Он обладал огромной свободой, какой-то опустошенной, пустой. Большой дом принадлежал ему, чтобы ходить туда-сюда. Но ему не разрешалось ничего трогать. Сад принадлежал ему. Он мог бродить по нему, но он не должен был срывать цветы или фрукты. В доме была детская, но он не был заключен в нее. Его даже не заставляли проводить там время. Его посылали гулять, и он был один, потому что парк был большой и безопасный. А детская была самой большой комнатой в этом огромном доме, которая привлекала его больше всего, потому что была полна самых очаровательных игрушек. Лошадь-качалка величиной с пони, самый прекрасный кукольный домик, какие вы когда-либо видели, коробки с чайными принадлежностями, коробки с кирпичами, как деревянными, так и терракотовыми, карты, головоломки, домино, шахматы, шашки, все виды игрушек или игр, которые вы когда-либо имели или когда-либо хотели иметь.

Но Филиппу не разрешалось ни с чем играть.

– Пожалуйста, ничего не трогай, – сказала няня с той ледяной вежливостью, которая свойственна униформе. – Игрушки принадлежат мисс Люси. Нет, я не могу отвечать за то, что разрешила тебе играть с ними. Нет, мне и в голову не приходило беспокоить мисс Люси, написав ей и попросив разрешения поиграть с ними. Нет, я не могу взять на себя смелость дать тебе адрес мисс Люси.

Ибо скука Филиппа и его желание унизили его даже до того, чтобы просить об этом.

Целых два дня он жил в усадьбе, ненавидя ее и всех ее обитателей, потому что слуги слушались няньки, и ребенок чувствовал, что во всем доме у него нет ни одного друга. Каким-то образом он прочно вбил себе в голову, что сейчас такое время, когда Хелен ни о чем не должна беспокоиться; поэтому он написал ей, что чувствует себя вполне хорошо, спасибо, и парк очень красивый, и у Люси много хороших игрушек. Он чувствовал себя очень храбрым

и благородным, как мученик. И он стиснул зубы, чтобы вынести все это. Это было все равно, что провести несколько дней у дантиста.

И вдруг все изменилось. Няня получила телеграмму. Брат, которого считали утонувшим в море, внезапно вернулся домой. Она должна была поехать к нему. – Это может стоить мне работы, – сказала она экономке, которая ответила, – езжай. Я отвечаю за мальчика – угрюмого маленького сопляка.

И няня ушла. В счастливой суете она собрала свои вещи и ушла. В последний момент Филипп, стоя на пороге и наблюдая, как она садится в повозку, внезапно рванулся вперед.

– О, няня! – воскликнул он, спотыкаясь о почти движущееся колесо, и это был первый раз, когда он обратился к ней. – Няня, скажите, пожалуйста, что я могу взять игрушки Люси и поиграть с ними, здесь так одиноко. Я могу, не так ли? Я могу их взять?

Возможно, сердце няни смягчилось от ее собственного счастья и мысли о брате, который не утонул. Возможно, она просто так торопилась, что не понимала, что говорит. Во всяком случае, когда Филипп в третий раз спросил: "Можно мне взять их?" – она поспешно ответила:

– Бог с тобой, дитя! Бери все, что хочешь. Ради бога, берегись колеса. Прощайте все! – махнула она рукой слугам, собравшимся на верхней ступеньке широкой лестницы, и была унесена к радостному воссоединению с некоронованным братом.

Филипп удовлетворенно вздохнул, прошел прямо в детскую, достал все игрушки и осмотрел каждую. Это заняло у него весь день.

На следующий день он снова посмотрел на все эти вещи и захотел что-нибудь с ними сделать. Он привык к радости, которую приносит создание вещей. Они с Хелен построили много городов для острова мечты из его собственных двух коробок кирпичей и некоторых других вещей в доме: ее японского шкафа, домино и шахматных фигур, картонных коробок, книг, крышек чайников и чайников. Но им никогда не хватало кирпичей. Кирпичей у Люси хватало на все.

Он начал строить город на детском столе. Но строить из одних кирпичей – плохая работа, когда вы привыкли строить из всяких других вещей.

– Похоже на фабрику, – недовольно сказал Филипп. Он убрал здание и положил кирпичи в разные ящики.

– Внизу должно быть что-нибудь полезное, – сказал он себе, – и она сказала: "Бери, что хочешь".

Охупками, по два, по три, он снес вниз ящики с кирпичами и кубиками, шашки, шахматные фигуры и коробку домино. Он принес их в длинную гостиную, где были хрустальные люстры, стулья, обтянутые коричневой голландской тканью, и множество длинных светлых окон, и шкафы, и столы, уставленные самыми интересными вещами.

Он очистил большой письменный стол от таких бесполезных и неважных предметов, как промокашка, серебряная чернильница и книги в красных переплетах, и освободил место для своего города.

Он начал строить.

Бронзовый египетский бог на черном с золотом шкафу, казалось, смотрел на него с другого конца комнаты.

– Хорошо, – сказал Филипп. – Я построю тебе храм. Подожди немного.

Бронзовый бог ждал, а храм рос, и два серебряных подсвечника, увенчанные шахматными фигурами, превосходно служили колоннами для портика. Он отправился в детскую за животными из Ноева ковчега: пара слонов, каждый из которых стоял на подставке, обрамляли вход. Храм выглядел великолепно, как ассирийский храм на картинах, которые показывала ему Хелен. Но кирпичи, где бы он ни строил с их помощью, выглядели жалкими и напоминали фабрики или работные дома. Одни кирпичи всегда так делают.

Филипп снова принялся за поиски. Он нашел библиотеку. Он совершил несколько путешествий. Он принес двадцать семь томов, переплетенных в белый пергамент с мраморными досками, собрание сочинений Шекспира, десять томов в зеленом сафьяне. Они делали колонны и галереи темными, таинственными и привлекательными. Еще больше животных из Ноева ковчега добавило зданию египетскую отделку.

– Ах, какая прелесть! – воскликнула горничная, пришедшая позвать его к чаю. – Вы ловко управляетесь с пальцами, мастер Филипп, это я вам скажу. Но вас могут наругать за то, что вы взяли все эти вещи.

– Та серая няня сказала, что я могу их взять, – сказал Филипп, – и это не повредит ничему. Мы с сестрой всегда делали так дома, – добавил он, доверительно глядя на горничную. Она похвалила его дом. И это был первый раз, когда он упомянул о своей сестре в этом доме.

– Ну, это все равно, что открытки с картинками, которые мне присылает брат из Индии. Все эти колонны, купола и прочее, и животные тоже. Я не знаю, как ты можешь думать о таких вещах, а я – нет.

Похвала – это сладкое. Он сунул руку в руку горничной, когда они спускались по широкой лестнице в холл, где его ждал чай – очень маленький поднос на очень большом темном столе.

– Он не такой уж плохой ребенок, – сказала Сьюзен за чаем в комнате для прислуги. – Эта няня напугала его до полусмерти своими чопорными манерами, можете быть уверены. Он достаточно вежлив, если говорить с ним вежливо.

– Но мисс Люси, я полагаю, не испугала его, – сказала кухарка, – и посмотрите, как он вел себя с ней.

– Во всяком случае, он достаточно спокоен. – Вы не слышите его с утра до вечера, – сказала старшая горничная, – мне это кажется глупым.

– Ты проскользни внутрь и посмотри, что он строит, вот и все, – сказала Сьюзен. – Тогда ты не назовешь его глупым.

Когда Филипп лег спать, прислуга проскользнула в комнату. Здание росло, хотя и не было закончено.

– Я ничего не трону, – сказала Сьюзен. – Пусть он завтра с ним поиграет. Мы все уберем до того, как эта няня вернется со своими чепцами, воротничками и надутыми щеками.

И на следующий день Филипп продолжил строительство. Он вложил в него все, что только можно было придумать: домино и коробку для домино; кирпичи и книги; катушки ваты, которые он выпросил у Сьюзен, коробку для воротничков и несколько банок из-под тортов, подаренных кухаркой. Он сделал ступеньки из домино и террасу из ящика для домино. Он достал из сада кусочки южного дерева и засунул их в катушки с хлопком, из которых получились красивые горшки, похожие на лавровые деревья в кадках. Медные наперстки служили куполами, а крышки медных чайников и кофейников из дубового буфета в холле делали минареты ослепительно великолепными. Шахматы были полезны и для минаретов.

– Должно быть, у меня есть мощные дорожки и фонтан, – задумчиво произнес Филипп. Дорожки были вымощены перламутровыми карточками, а фонтан представлял собой серебряную и стеклянную пепельницу, из середины которой торчала филигранная серебряная игла, а падающая вода была довольно красиво сделана из узких кусочков серебряной бумаги от шоколада, который Хелен подарила ему на прощание. Пальмы было легко сделать – Хелен показала ему, как это делается из кусочков лиственницы, прикрепленных пластилином к стволам бузины. Среди игрушек Люси было много пластилина, было много всего.

И город рос, пока не покрыл стол. Филипп, не уставая, принялся строить другой город на другом столе. Главной его особенностью была большая водонапорная башня с фонтаном у основания, и теперь он ни перед чем не останавливался. Он снял хрустальные капли с больших канделябров, чтобы сделать фонтаны. Этот город был величественнее первого. У него была большая башня, сделанная из корзины для бумаг, и башня астролога, которая была машиной для увеличения фотографий.

Города действительно были очень красивы. Жаль, что я не могу подробно описать их вам. Но на это ушли бы целые страницы. Кроме всего того, о чем я только что рассказывал, здесь были башни и башенки, величественные лестницы, пагоды и павильоны, каналы, сверкающие и похожие на воду, сделанные из полосок серебряной бумаги, и озеро с лодкой на нем. Филипп поместил в свои постройки все вещи из кукольного домика, которые показались ему подходящими. Деревянные столовые приборы и посуда. Свинцовые чайные чашки и кубки. Он населил это место костяшками домино и пешками. Красивые шахматные фигуры служили минаретами. Он построил форты и поставил в них гарнизоны из свинцовых солдат.

Он работал усердно и умно, и по мере того, как города становились все красивее и интереснее, он любил их все больше и больше. Теперь он был счастлив. Не было времени быть несчастным.

– Я оставляю все как есть, пока не придет Хелен. Как ей это понравится! – сказал он.

Оба города были соединены мостом, который представлял собой метлу, найденную им в швейной комнате для слуг, и которую он взял без помех, так как к этому времени все слуги были его друзьями. Сьюзен была первой – вот и все.

Он только что установил свой мост и поставил мистера и миссис Ной на главной площади, чтобы они представляли жителей, и стоял, восхищенный своей работой, когда чьи-то сильные руки на плечах заставили его вздрогнуть и закричать.

Это была няня. Она вернулась на день раньше, чем ее ожидали. Брат привел домой жену, и они с няней не понравились друг другу, поэтому она очень рассердилась, взяла Филиппа за плечи и встряхнула его, чего с ним никогда раньше не случилось.

– Ты непослушный, злой мальчишка! – сказала она, все еще дрожа.

– Но я ничего не повредил, я все положу обратно, – сказал он, дрожа и очень бледный.

– Ты больше ничего не будешь трогать, – сказала няня. – Я об этом позабочусь. Утром я сама все уберу. Братъ то, что тебе не принадлежит!

– Но ты же сказала, что я могу взять все, что захочу, – сказал Филипп, – так что если что-то не так, то это твоя вина.

– Ты лживый ребенок! – воскликнула няня и ударила его по костяшкам пальцев. Никто никогда прежде не бил Филиппа. Он побледнел еще больше, но не заплакал, хотя руки у него сильно болели. Потому что она схватила метлу, чтобы ударить его, а она была твердой и угловатой.

– Ты трусиха, – сказал Филипп, – и это ты лжешь, а не я.

– Попридержи язык, – сказала няня и потащила его в постель.

– Ты не получишь ужина, вот так! – сказала она, сердито укладывая его.

– Мне ничего не нужно, – сказал Филипп, – и я должен простить тебя до захода солнца.

– Простить, конечно! – сказала она, выпрыгивая из комнаты.

– Когда ты пожалеешь о том, что сделала, то поймешь, что я тебя простил, – крикнул ей вслед Филипп, что, конечно, разозлило ее еще больше.

Плакал ли Филипп, когда был один, – это не наше дело. Сьюзен, которая наблюдала за тряской и ударами, не смея вмешиваться, подкралась позже с молоком и бисквитами. Она нашла его спящим и сказала, что у него были мокрые ресницы.

Когда он проснулся, то сначала подумал, что уже утро, так светло было в комнате. Но вскоре он увидел, что это был не желтый солнечный свет, а белый лунный свет, который создавал прекрасную яркость.

Сначала он недоумевал, почему чувствует себя таким несчастным, но потом вспомнил, как уехала Хелен и как ненавидела его няня. А теперь она разрушит город, и Хелен никогда его не увидит. И он никогда больше не сможет построить такую красоту. Утром город исчезнет, и он не сможет даже вспомнить, как он был построен.

Лунный свет был очень ярким.

– Интересно, как выглядит мой город при лунном свете?

А потом, в одно волнующее мгновение, он решил спуститься вниз и посмотреть, как все это выглядит.

Он накинул халат, тихонько отворил дверь, прокрался по коридору, спустился по широкой лестнице, прошел по галерее и вошел в гостиную. Было очень темно, но он на ощупь добрался до окна и открыл ставни, и там лежал его город, залитый лунным светом, точно такой, каким он его себе представлял.

Мгновение он смотрел на него в экстазе, а затем повернулся, чтобы закрыть дверь. Сделав это, он почувствовал легкое странное головокружение и на мгновение остановился, приложив руку к голове. Он повернулся и снова пошел к городу, а когда приблизился к нему, то вскрикнул, поспешно подавив крик, боясь, что кто-нибудь услышит его, спустится и отправит спать. Он стоял и озирался вокруг, сбитый с толку, и у него снова закружилась голова. Ибо город исчез в мгновение ока, за которым последовала темнота. Как и гостиная. Как и стул, стоявший рядом со столом. Вдалеке виднелись горы, поднимающиеся на огромную высоту, и лунный свет освещал их вершины. Но сам он, казалось, находился на огромной плоской равнине. Вокруг его ног была мягкая высокая трава, но не было ни деревьев, ни домов, ни изгородей или заборов, нарушающих простор травы. В некоторых местах она казалась темнее, чем

в других. Вот и все. Она напоминала ему бескрайние прерии, о которых он читал в книгах о приключениях.

– Наверное, я сплю, – сказал Филипп, – хотя не понимаю, как я мог заснуть, когда поворачивал дверную ручку. Однако ...

Он стоял неподвижно, ожидая, что что-то произойдет. В сновидениях всегда что-то происходит, если только сон подходит к концу. Но теперь ничего не происходило. Филипп просто стоял совершенно спокойно и чувствовал теплую мягкую траву вокруг своих лодыжек.

Затем, когда глаза его привыкли к темноте равнины, он увидел вдали очень крутой мост, ведущий к темной высоте, на вершине которой белела луна. Он направился к нему и, приблизившись, увидел, что это не мост, а что-то вроде лестницы, и что она поднимается над ним на головокружительную высоту. Она, казалось, уходила далеко в скалу на фоне темного неба, и внутри скалы, казалось, была одна огромная темная пещера.

И вот он уже почти у подножия лестницы. На ней не было перекладин, но узкие выступы служили опорой для ног и рук. Филипп вспомнил Джека и Бобовый Стебель и с тоской посмотрел вверх, но лестница была очень-очень длинной. С другой стороны, это была единственная дорога, которая, казалось, вела куда-то, и он был сыт по горло одиноким стоянием в травянистой прерии, где он, казалось, находился очень долго. Поэтому он положил руки и ноги на лестницу и начал подниматься. Это был очень долгий подъем. Он насчитал триста восемь ступенек. А ступеньки были только с одной стороны лестницы, так что ему приходилось быть пре-

дельно осторожным. Он карабкался, карабкался и карабкался пока у него не заболели ноги и руки, казалось, они вот-вот отвалятся от усталости. Он не мог смотреть далеко вверх и вообще не смел смотреть вниз. Ему ничего не оставалось, как карабкаться, карабкаться и карабкаться, и наконец он увидел землю, на которой покоилась лестница, – террасу, вырубленную в правильных линиях и, казалось, высеченную из твердой скалы. Его голова была на одном уровне с землей. Он спрыгнул с лестницы и упал лицом вниз на землю, холодную и гладкую, как мрамор. Он лежал, глубоко дыша от усталости и облегчения.

Вокруг стояла великая тишина, которая успокаивала и убаюкивала, и вскоре он поднялся и огляделся. Он подошел к арке с очень толстыми колоннами и осторожно заглянул внутрь. Казалось, это были огромные ворота, ведущие на открытое пространство, а за ними виднелись неясные очертания, похожие на церкви и дома. Но все было пустынно; лунный свет и он были в этом месте, чем бы оно ни было, сами по себе.

– Наверное, все уже спят, – сказал Филипп, слегка дрожа, но с большим любопытством и интересом вглядываясь в черную тень странной арки.

Спаситель или разрушитель

Филипп стоял в тени темной арки и смотрел наружу. Он увидел перед собой огромную площадь, окруженную высокими неровными зданиями. Посередине был фонтан, воды которого, серебряные в лунном свете, поднимались и опускались с мягким плеском. Высокое дерево, стоявшее рядом с аркой, отбрасывало тень на тропинку – широкую черную полосу. Он слушал, слушал, слушал, но слушать было нечего, кроме глубокой ночной тишины и изменчивого мягкого звука фонтана.

Глаза, привыкшие к полумраку, показали ему, что он находится под тяжелой куполообразной крышей, поддерживаемой большими квадратными колоннами, справа и слева стояли плотно закрытые темные двери.

– Я осмотрю эти двери при дневном свете, – сказал он. Он не испытывал особого страха. Но и храбрым он себя тоже не чувствовал. Но он хотел и намеревался быть храбрым, поэтому он сказал, – я осмотрю эти двери. По крайней мере, я так думаю, – добавил он, ибо надо быть не только храбрым, но и правдивым.

А потом ему вдруг очень захотелось спать. Он прислонился к стене, и вскоре ему показалось, что сидеть будет легче, а лежать – удобнее. Колокол очень-очень далеко пробил двенадцать часов. Филипп досчитал до девяти, но пропустил десятый удар колокола, а также одиннадцатый и двенадцатый, потому что крепко спал, свернувшись калачиком в толстом стеганом халате, который Хелен сшила ему прошлой зимой. Ему снилось, что все было так, как было до того, как пришел этот Человек, все изменил и забрал Хелен. Он лежал в своей маленькой кроватке в своей маленькой комнатке в их маленьком домике, и Хелен пришла позвать его. Он видел солнечный свет сквозь закрытые веки. Он держал их закрытыми только для удовольствия, слушая, как она пытается разбудить его, и вскоре он скажет ей, что не спал все это время, и они вместе посмеются над этим. А потом он проснулся, и он был не в своей мягкой постели дома, а на твердом полу большой, странной сторожки, и не Хелен трясла его и говорила “проснись, я говорю, не можешь?” – а высокий человек в красном пальто. И свет, бывший в глаза, исходил вовсе не от солнца, а от рогового фонаря, который человек держал у самого лица.

– В чем дело? – сонно спросил Филипп.

– В этом и вопрос, – сказал человек в красном. – Пойдемте в караульную и доложите о себе, молодой человек.

Он нежно, но твердо зажал ухо Филиппа между очень твердыми большим и указательным пальцами.

– Перестаньте, перестаньте – сказал Филипп, – я не собираюсь убежать.

Мужчина переложил руку с уха на плечо и повел Филиппа через одну из тех дверей, которые он собирался исследовать при дневном свете. Еще не рассвело, и комната, большая и пустая, с аркой в каждом конце и узкими маленькими окнами по бокам, была освещена роговыми фонарями и высокими свечами в оловянных подсвечниках. Филиппу показалось, что комната полна солдат.

Их капитан, весь в золоте и с очень красивыми черными усами, поднялся со скамьи.

– Смотрите, кого я поймал, сэр, – сказал человек, чья рука лежала на плече Филиппа.

– Хм, – сказал капитан, – наконец-то это случилось.

– Что случилось? – спросил Филипп.

– Он настоящий, – сказал капитан, – не бойся, малыш.

– Я не боюсь, – сказал Филипп и вежливо добавил, – я был бы вам очень признателен, если бы вы объяснили мне, что вы имеете в виду. – Он добавил то, что, как он слышал, говорили люди, когда спрашивали дорогу на рынок или в общественный сад.

От красных мундиров донесся веселый хохот.

– Нехорошо смеяться над незнакомцами, – сказал Филипп.

– Следи за своими манерами, – резко сказал капитан, – в этой стране маленькие мальчики говорят, когда к ним обращаются. Незнакомец, да? Ну, это мы знали, знаете ли!

Филипп, хотя и чувствовал себя оскорбленным, все же чувствовал себя великим. И вот он оказался в эпицентре приключения со взрослыми солдатами. Он выпятил грудь и попытался принять мужественный вид.

Капитан сел на стул в конце длинного стола, придвинул к себе черную книгу – черную книгу, покрытую пылью, – и принялся тереть ржавое перо о свой меч, который не был ржавым.

– Ну-ка, – сказал он, открывая книгу, – расскажи мне, как ты сюда попал. И помни, что ты должен говорить правду.

– Я всегда говорю правду, – гордо заявил Филипп.

Все солдаты встали и приветствовали его взглядами, полными глубокого удивления и уважения.

– Ну, почти всегда, – сказал Филипп, разгоряченный до ушей, и солдаты снова с грохотом опустили на скамьи, снова смеясь. Филипп предполагал, что в армии будет больше дисциплины.

– Как ты сюда попал? – спросил капитан.

– Вверх по большой лестнице на мостик, – сказал Филипп.

Капитан что-то деловито записывал в блокнот.

– Зачем ты пришел?

– Я не знал, что еще делать. Там не было ничего, кроме бескрайней прерии, и вот я поднялся.

– Ты очень смелый мальчик, – сказал капитан.

– Спасибо, – ответил Филипп.

– Какова цель твоего прихода?

– Я сделал это не нарочно, просто случайно пришел.

Капитан тоже это записал. А потом он, Филипп и солдаты молча посмотрели друг на друга.

– Ну? – спросил мальчик.

– Ну? – спросил капитан.

– Мне бы очень хотелось, – сказал мальчик, – чтобы вы объяснили мне, что вы имели в виду, когда говорили, что я на самом деле существую. А потом я хотел бы, чтобы вы показали мне дорогу домой.

– Куда ты хочешь попасть? – спросил капитан.

– В графство Сассекс, – сказал Филипп.

– Не знаю, – коротко ответил капитан, – и в любом случае ты не можешь вернуться туда сейчас. Разве ты не читал надпись на верхней ступеньке лестницы? “Нарушители будут привлечены к ответственности”. Ты должен предстать перед судом, прежде чем сможешь вернуться куда-либо.

– Я предпочел бы, чтобы меня преследовали, чем снова спускаться по этой лестнице, – сказал он. – Полагаю, это не так уж плохо быть преследуемым, правда?

Его представление о преследовании было заимствовано из книг. Он думал, что это что-то смутно неприятное, от чего можно скрыться в маскировке, что-то авантюрное и всегда удачное.

– Это решать судьям, – сказал капитан, – это серьезное нарушение границ нашего города. Эта стража поставлена здесь специально, чтобы предотвратить вторжение.

– У вас много нарушителей? – спросил Филипп. Капитан казался добрым, а у Филиппа был двоюродный дед, который был судьей, поэтому слово “судьи” заставляло его думать о советах и хороших советах, а не о справедливости и наказании.

– Действительно, много нарушителей! – почти фыркнул в ответ капитан. – Вот именно. Такого раньше никогда не было. Ты первый. Долгие годы здесь стояла стража, потому что, когда город только строился, астрологи предсказывали, что однажды сюда явится нарушитель, который причинит несказанное зло. Так что это наша обязанность – мы полистопольские стражники – следить за единственным путем, по которому может проникнуть нарушитель.

– Можно мне присесть? – вдруг спросил Филипп, и солдаты освободили ему место на скамье.

– Мой отец, мой дед и все мои предки служили в гвардии, – гордо сказал капитан. – Это очень большая честь.

– Интересно, – сказал Филипп, – почему бы вам не отрезать конец вашей лестницы? Я имею в виду верхний конец, тогда никто не сможет подняться наверх?

– Великий избавитель должен прийти этим путем.

– А не мог бы я, – робко предложил Филипп, – не мог бы я быть избавителем, а не нарушителем? Знаете, я бы предпочел первое.

– Осмелюсь предположить, – сказал капитан, – но люди не могут быть избавителями только потому, что им этого хочется.

– И никто не поднимется по лестнице, кроме этих двоих?

– Мы не знаем, в том-то и дело. Ты ведь знаешь, что такое пророчество.

– Боюсь, что не совсем.

– Я имею в виду, все так расплывчато и запутанно. То, о котором я тебе рассказываю, звучит примерно так:

Кто поднимается по лестнице?

Берегись, берегись!

Стальные глаза и медные волосы

Борьба, горе и боль, которые нужно вынести

Все поднимаются по лестнице лестничным маршем.

Видишь ли, мы не можем сказать, означает ли это одного человека или много людей со стальными глазами и медными волосами.

– У меня волосы совсем мальчишеского цвета, – сказал Филипп, – сестра так говорит, а глаза, кажется, голубые.

– Я ничего не вижу при таком освещении, – капитан оперся локтями о стол и серьезно посмотрел мальчику в глаза. – Нет, не вижу. Другое пророчество гласит:

Сверху вниз из далека

Король придет забрать свое;

Он освободит Волшебный город,

И все, что он создал, будет принадлежать ему.

Берегитесь, берегитесь. Остерегайтесь, готовьтесь,

Король придет по лестнице.

– Как весело, – сказал Филипп, – я люблю поэзию. Вы что-нибудь еще знаете?

– Конечно, есть куча пророчеств, – сказал капитан, – астрологи должны что-то делать, чтобы зарабатывать свое жалованье. Есть довольно симпатичный вариант:

Каждую ночь, когда яркие звезды мигают

Охранники должны пить,

Когда часы бьют два.

И каждую ночь, когда не видно звезд

Стражники должны пить из своей фляги,

Когда часы пробьют два.

– Сегодня ночью звезд нет, так что напитки подают здесь. Это меньше хлопот, чем идти через площадь в столовую, и принцип тот же. Главное в пророчестве – принцип, мой мальчик.

– Да, – сказал Филипп. А потом снова забил далекий колокол. Раз, два. А снаружи послышался легкий топот ног.

Солдат поднялся, отдал честь офицеру и распахнул дверь. Филипп ожидал, что кто-нибудь войдет с подносом и стаканами, как это бывало у его двоюродного дедушки, когда джентльмены внезапно испытывали жажду в часы, не связанные с едой.

Но вместо этого, после минутной паузы, дюжина борзых грациозно ступила на свои мягкие кошачьи лапы, и на шее каждой собаки висела круглая штука, похожая на один из маленьких бочонков, которые сенбернары носят на шее на картинках. И когда они были развязаны и положены на стол, Филипп был очарован, увидев, что круглые предметы были не бочонками, а кокосовыми орехами.

Солдаты достали с высокой полки несколько оловянных горшков, проткнули штыками кокосовые орехи и вылили молоко. Все они выпили, так что пророчество сбылось, и более того, они напоили и Филиппа. Это было восхитительно, и молока его было ровно столько, сколько он хотел. Я никогда не пил столько какао – орехового молока, сколько мне хотелось. – А ты?

Затем полые кокосовые орехи снова привязали к шеям собак, и они вышли, стройные и красивые, по двое, виляя своими тонкими хвостами самым дружелюбным и аккуратным образом.

– Какао-орехи везут на городскую кухню, – сказал капитан, – чтобы превратить в какао – ореховый лед для армейского завтрака. Мы здесь ничего не теряем, мой мальчик.

Филипп уже совсем оправился от своего удивления. Теперь он чувствовал, что капитан разговаривает с ним как мужчина с женщиной. Хелен ушла и оставила его; что ж, он учился обходиться без Хелен. И он сбежал из Грейндж, и от Люси, и от той няни. Он был человеком среди людей. А потом, когда он уже чувствовал себя самым мужественным и важным и был готов предстать перед любым количеством судей, в дверь караульного помещения тихонько постучали, и очень тихий голос произнес:

– О, пожалуйста, позвольте мне войти.

Затем дверь медленно отворилась.

– Входите, кто бы вы ни были, – сказал капитан.

И человек, который вошел, был – Люси. Люси, от которой, как думал Филипп, он избавился; Люси, олицетворявшая новую ненавистную жизнь, которую оставила ему Хелен. Люси, в своей саржевой юбке и майке, с маленькими гладкими светлыми косичками и с этой ее тревожной улыбкой "Я хочу, чтобы мы могли быть друзьями". Филипп пришел в ярость. Это было очень плохо.

– А вы кто? – ласково спросил капитан.

– Это я ... Это Люси, – сказала она. – Я пришла с ним.

Она указала на Филиппа. "Никаких манер", – с горечью подумал Филипп.

– Нет, – коротко ответил он.

– Да, я была рядом с тобой, когда ты поднимался по лестнице. И с тех пор я жду в одиночестве, пока ты спишь и все такое. Я знала, что он рассердится, когда узнает, что я пришла, – объяснила она солдатам.

– Я не сержусь, – сказал Филипп очень сердито, но капитан жестом велел ему замолчать. Затем Люси допросили, и ее ответы записали в книгу, и когда это было сделано, капитан сказал:

– Так эта маленькая девочка – ваша подруга?

– Нет, это не так, – яростно возразил Филипп, – она мне не друг, и никогда им не будет. Я видел ее, вот и все, и больше не хочу ее видеть.

– Ты плохой, – сказала Люси.

А потом наступила гробовая тишина, крайне неприятная для Филиппа. Солдаты, как он заметил, теперь холодно смотрели на него. Во всем виновата Люси. Зачем ей понадобилось врываться сюда и все портить? Любой, кроме девушки, понял бы, что караульное помещение – неподходящее место для девушки. Он нахмурился и ничего не сказал. Люси забралась к капитану на колени, и он гладил ее по волосам.

– Бедная маленькая девочка, – сказал он. – Ты должна сейчас же лечь спать, чтобы отдохнуть перед тем, как утром отправишься в Зал Правосудия.

Люси постелили на скамье солдатские плащи, а медвежьи шкуры – лучшие подушки. У Филиппа был солдатский плащ, скамья и медвежья шкура, но что толку? Все было испорчено. Если бы Люси не пришла, караульное помещение в качестве спального места было бы почти так же хорошо, как и палаточный лагерь. Но она пришла, и караульное помещение теперь было не лучше любой старой детской. И как она узнала? Как она сюда попала? Как она добралась до той бескрайней прерии, где он нашел таинственное начало лестничного моста? Он заснул колючим комком недовольства и подавленной ярости.

Когда он проснулся, было уже светло, и солдат говорил, – просыпайтесь, нарушители. Завтрак ...

– Как хорошо, – подумал Филипп, – завтракать по-военному, – но тут он вспомнил о Люси, возненавидел ее присутствие и снова почувствовал, что она все испортила.

Мне самому не хотелось бы завтракать какао – ореховым льдом, мятным кремом, яблоками, хлебом с маслом и сладким молоком. Но солдатам, похоже, это нравилось. И это вполне устраивало бы Филиппа, если бы он не видел, что Люси это тоже нравится.

– Я ненавижу жадных девочек, – сказал он себе, потому что сейчас он был в том состоянии черной ярости, когда ты ненавидишь все, что делает или говорит человек, на которого ты злишься.

А теперь пора было отправляться в Зал Правосудия. Снаружи выстроилась стража, и Филипп заметил, что каждый солдат стоит на чем-то вроде зеленой циновки. Когда был отдан приказ идти, каждый солдат быстро и умело скатал свою зеленую циновку и сунул ее под мышку. И всякий раз, когда они останавливались из-за толпы, каждый солдат разворачивал свою зеленую циновку и стоял на ней, пока не наступало время идти дальше. И им пришлось несколько раз останавливаться, потому что на больших площадях и на узких улицах города толпа была очень плотной. Это была чудесная толпа. Там были мужчины, женщины и дети во всех видах одежды. Итальянцы, испанцы, русские; французские крестьяне в синих блузах и деревянных башмаках, рабочие в одежде, которую сто лет назад носили английские рабочие. Норвежцы, шведы, швейцарцы, турки, греки, индийцы, арабы, китайцы, японцы, кроме краснокожих индейцев в шкурах и шотландцев в килтах. Филипп не знал, к какой нации принадлежало большинство платьев – для него это было блестящее лоскутное одеяло из золота и ярких цветов. Это напомнило ему о костюмированном вечере, на котором он однажды был с Хелен, когда он носил платье Пьеро и чувствовал себя в нем очень глупо. Он заметил, что ни один мальчик во всей этой толпе не был одет так, как он, в то, что, по его мнению, было единственно правильным платьем для мальчиков. Люси шла рядом. Однажды, сразу после того, как они тронулись, она спросила, – ты не боишься, Филипп?

И он не ответил, хотя ему очень хотелось сказать “Конечно, нет. Боятся только девочки”, но он подумал, что будет неприятнее ничего не говорить, и не сказал.

Когда они добрались до Зала Правосудия, она схватила его за руку и сказала:

–О! – очень громко и неожиданно, – неужели это тебе ничего не напоминает? – спросила она.

Филипп отдернул руку и сказал, – нет, – прежде чем вспомнил, что решил не разговаривать с ней. И это “нет” было совершенно неправдой, потому что здание действительно напоминало ему о чем-то, хотя он и не мог сказать, о чем.

Пленники и их охрана прошли через большую арку между великолепными серебряными колоннами и по широкому коридору, вдоль которого выстроились солдаты, отдававшие честь.

– Все солдаты отдают вам честь? – спросил он капитана, – или только ваши?

– Это вам они отдают честь, – сказал капитан. – Наши законы предписывают отдавать честь всем заключенным из уважения к их несчастьям.

Судья сидел на высоком бронзовом троне с огромными бронзовыми драконами по бокам и широкими пологими ступенями из слоновой кости, черной и белой.

Двое слуг расстелили на верхней ступеньке перед судьей круглый коврик – желтый и очень толстый, – и он встал и отсалютовал арестантам.

– Из-за ваших несчастий, – прошептал капитан.

Судья был одет в ярко-желтую мантию с зеленым поясом, и у него не было парика, но была очень странной формы шляпа, которую он постоянно носил.

Суд длился недолго, и капитан говорил очень мало, а судья еще меньше, в то время как заключенным вообще не разрешалось говорить. Судья посмотрел что-то в книге и вполголоса посоветовался с коронным адвокатом и мрачным человеком в черном. Затем он надел очки и сказал:

– Заключенные, вы признаны виновными в незаконном проникновении. Наказание – смерть, если судье не нравятся заключенные. Если он не испытывает к ним неприязни, то им грозит пожизненное заключение или заключение до тех пор, пока судья не передумает. Уведите пленников.

– О, не надо! – воскликнул Филипп, чуть не плача.

– Я думала, ты не боишься, – прошептала Люси.

– Молчание в суде, – сказал судья.

Затем Филипп и Люси удалились.

Они шли по улицам, совершенно не похожим на те, по которым они шли до этого, и наконец, на углу площади увидели большой дом, совершенно черный.

– Вот мы и пришли, – добродушно сказал капитан. – До свидания. В следующий раз повезет больше.

Тюремщик, джентльмен в черном бархатном костюме, с рюшами и остроконечной бородкой, вышел и сердечно приветствовал их.

– Как поживаете, дорогие мои? – сказал он. – Надеюсь, вам здесь будет удобно. Первоклассные проступки, я полагаю? – спросил он.

– Конечно, – сказал капитан.

– Верхний этаж, пожалуйста, – вежливо сказал тюремщик и посторонился, пропуская детей. – Поверните налево и поднимитесь по лестнице.

Лестница была темной и уходила все дальше и дальше, круг за кругом, вверх и вверх. На самом верху была большая комната, обставленная просто: стол, стулья и лошадка-качалка. Кому нужно больше мебели?

– У вас лучший вид во всем городе, – сказал тюремщик, – и вы составите мне компанию. Что? Они дали мне должность тюремщика, потому что это хорошая, легкая, джентльменская работа и оставляет мне время для писательства. Я, знаете ли, литератор. Но иногда мне бывает немного одиноко. Видите ли, вы мои первые пленники. Если позволите, я пойду и закажу для вас ужин. Я уверен, что вы будете довольны праздником разума и потоком души.

Как только за черной спиной тюремщика закрылась дверь, Филипп повернулся к Люси.

– Надеюсь, ты довольна, – с горечью произнес он. – Это все твоих рук дело. Они бы меня отпустили, если бы тебя здесь не было. С какой стати тебе понадобилось сюда приходиться? Почему ты бежала за мной? Ты знаешь, что ты мне не нравишься?

– Ты самый ненавистный, самый неприятный, самый ужасный мальчик на свете, – твердо сказала Люси.

Филипп этого не ожидал. Он встретил удар так хорошо, как только мог.

– Во всяком случае, я не маленькая подлая белая мышка, втискивающаяся туда, где меня не ждут, – сказал он.

А потом они стояли и смотрели друг на друга, тяжело дыша.

– Я лучше буду белой мышкой, чем жестоким хулиганом, – сказала наконец Люси.

– Я не хулиган, – сказал Филипп.

Затем снова наступила тишина. Люси фыркнула. Филипп оглядел пустую комнату, и ему вдруг пришло в голову, что он и Люси – товарищи по несчастью, и не важно, по чьей вине они оказались в заточении. Затем он сказал:

– Послушай, ты мне не нравишься, и я не стану притворяться. Но давай представим, что я это был не я, а какой-нибудь Пакс, если ты хочешь. Мы должны как-то выбраться отсюда, и я помогу тебе, если хочешь, а ты поможешь мне, если сможешь.

– Спасибо, – сказала Люси тоном, который мог означать что угодно.

– Значит пусть будет Пакс. Посмотрим, сможем ли мы сбежать через окно. Там может быть плющ или верный паж с веревочной лестницей. У тебя есть паж в Грейндж?

– Есть два конюха, – сказала Люси, – но я не думаю, что они верны, и я думаю, что все это гораздо больше волшебства, чем ты думаешь.

– Конечно, я знаю, что это волшебство, – нетерпеливо сказал он, – но оно вполне реально.

– О, это вполне реально, – сказала она.

Они высунулись из окна. Увы, плюща не было. Их окно было очень высоко, и стена снаружи, когда они касались ее рукой, казалась гладкой, как стекло.

– Так не пойдет, – сказал он, и они вдвоем еще дальше высунулись из окна, глядя на город. Там были мощные башни, прекрасные минареты и дворцы, пальмы, фонтаны и сады. Белое здание на другой стороне площади выглядело странно знакомым. Может быть, это похоже на собор Святого Павла, который Филипп видел, когда был совсем маленьким, и который он никогда не мог вспомнить? Нет, он не мог вспомнить этого даже сейчас. Пленники долго молча смотрели в окно. Далеко внизу раскинулся город, его деревья мягко колыхались на ветру, цветы сияли в ярком разноцветном лоскутном одеяле, каналы, пересекавшие большие площади, сверкали на солнце, а по площадям и улицам ходили и ходили по своим делам горожане.

– Послушай, – вдруг сказала Люси, – ты хочешь сказать, что не знаешь?

– Знаешь что? – нетерпеливо спросил он.

– Место, где мы. Что это такое. Разве нет?

– Нет. Не больше, чем ты.

– Разве ты не видел все это раньше?

– Нет, конечно, нет. Также как и ты.

– Ладно. Но я уже видела это раньше, – сказала Люси, – и ты тоже. Но я не скажу тебе, что это такое, если ты не будешь со мной любезен, – ее тон был немного грустным, но довольно твердым.

– Я хорошо к тебе отношусь. Я же говорю, что это был Пакс, – сказал Филипп. – Скажи мне, что ты об этом думаешь.

– Я имею в виду не такого величественного, высокомерного Пакса, а настоящего Пакса. О, не будь таким ужасным, Филипп. Я умираю от желания рассказать тебе, но не скажу, если ты будешь продолжать вести себя так, как сейчас.

– Со мной все в порядке, – сказал Филипп, – выкладывай.

– Нет. Ты должен сказать, что это был Пакс, и я буду рядом с тобой, пока мы не выберемся отсюда, и я всегда буду вести себя с тобой как благородный друг, и я постараюсь изо всех сил полюбить тебя. Конечно, если я тебе не нравлюсь, ты не можешь, но ты должен попытаться. Повторяй за мной, ладно?

Ее тон был таким добрым и убедительным, что он поймал себя на том, что говорит ей вслед: “Я, Филипп, согласен стараться понравиться тебе, Люси, и быть рядом с тобой, пока мы не выберемся отсюда, и всегда играть роль благородного друга по отношению к тебе. Пожмите друг другу руки”.

– Ну вот, – сказал он, когда они пожали друг другу руки, и Люси произнесла эти слова:

– Разве ты не понимаешь? Это твой собственный город, в котором мы находимся, твой собственный город, который ты построил на столах в гостиной? Все это стало большим по волшебству, чтобы мы могли войти. Посмотри, – она указала в окно, – вон тот большой золотой купол, это один из медных наперстков, а вон то белое здание – моя старая модель собора Святого Павла. А вон Букингемский дворец с резной белкой наверху, и шахматные фигуры, и бело-голубые фарфоровые перечницы, и здание, в котором мы находимся – черный японский кабинет.

Филипп посмотрел и увидел, что она говорит правду. Это был его город.

– Но я не строил внутри своих зданий, – сказал он, – и когда ты вообще увидела, что я построил?

– Наверное, внутреннее наполнение – это часть магии, – сказала Люси, – я увидела город, который ты построил, когда тетушка привезла меня домой вчера вечером, после того как тебя отправили спать. И он мне действительно понравился. И о, Филипп, я так рада, что это был Пакс, потому что я действительно думаю, что ты такой ужасно умный, и тетушка тоже так подумала, когда увидела эти прекрасные вещи. И я знала, что няня все это уберет. Я умоляла ее не делать этого, но она была упряма, поэтому я встала, оделась и спустилась вниз, чтобы еще раз взглянуть на все при лунном свете. И один или два кирпича и шахматные фигуры упали. Наверное, няня сбила их. И я, как могла, снова их поставила, и мне все это понравилось, как ничто другое; а потом дверь открылась, я спряталась под стол, и ты вошел.

– Значит, ты была там ... Ты заметила, как началось волшебство?

– Нет, но все это превратилось в траву, а потом я увидела, как ты далеко-далеко поднимаешься по лестнице. И поэтому я пошла за тобой. Но я не позволила тебе увидеть меня. Я так и знала, что ты рассердишься. А потом я заглянула в дверь караульни, и мне так захотелось какао – орехового молока.

– Когда ты поняла, что это мой город?

– Мне показалось, что солдаты чем-то похожи на моих солдатиков. Но я не была уверена, пока не увидел судью. Ведь он просто старый Ной, вышедший из Ковчега.

– Так и есть! – воскликнул Филипп. – Как чудесно! Как прекрасно! Лучше бы мы не были пленниками. Разве не было бы забавно пройтись по городу, по всем зданиям, посмотреть, во что превратились их внутренности? И все остальные люди. Я их туда не клал.

– Полагаю, это больше похоже на магию. Но ... О, со временем мы все выясним.

– Она хлопнула в ладоши. И в тот же миг дверь отворилась и появился тюремщик.

– К вам посетитель, – сказал он и посторонился, пропуская кого-то еще, высокого и худого, в черном плаще с капюшоном и черной полумаске, какие носят во время карнавала.

Когда тюремщик закрыл дверь и ушел, высокая фигура сняла маску и сбросила плащ, показав удивленным, но признавшим глазам детей хорошо знакомую фигуру мистера Ноя – судьи.

– Как поживаете? – спросил он. – Это небольшой неофициальный визит. Надеюсь, я пришел не в самое неподходящее время.

– Мы очень рады, – сказала Люси, – потому что вы можете сказать нам ...

– Я не буду отвечать на вопросы, – сказал мистер Ной, чопорно усаживаясь на свой желтый коврик, – но я вам кое-что скажу. Мы не знаем, кто вы. Но я сам думаю, что ты можешь быть Избавителем.

– Мы оба, – ревниво сказал Филипп.

– Один или оба. Видишь ли, в пророчестве говорится, что волосы Разрушителя рыжие. А ваши волосы не красные. Но прежде чем я смогу убедить население в этом, мои собственные волосы поседеют от мыслей и споров. Некоторые люди такие тупоголовые. И я не привык думать. Мне не часто приходится это делать. Это меня огорчает.

Дети сказали, что им очень жаль. Филипп добавил:

– Расскажите нам немного о вашем городе. Это не вопрос. Мы хотим знать, магия ли это. Это тоже не вопрос.

– Я как раз собирался вам рассказать, – сказал мистер Ной, – и не стану отвечать на вопросы. Конечно, это магия. Все в этом мире – магия, пока ты не поймешь ее.

– А что касается города. Я просто расскажу вам немного о нашей истории. Много тысяч лет назад все города нашей страны были построены великим и могучим великаном, который привозил материалы издалека. Это место было населено частично людьми по его выбору, а частично какой-то самодействующей магией, довольно трудно объяснимой. Как только были построены города и заселены жителями, началась жизнь города, и для тех, кто в нем жил, она была такой, какой была всегда. Ремесленники трудились, музыканты играли, поэты пели. Астрологи, оказавшись в высокой башне, очевидно предназначенной для этой цели, начали наблюдать за звездами и пророчествовать.

– Это я знаю, – сказал Филипп.

– Очень хорошо, – сказал судья. – Тогда вы знаете достаточно. А теперь я хочу попросить вас обоих об одном маленьком одолжении. Вы не могли бы сбежать?

– Если бы мы только могли, – вздохнула Люси.

– У меня слишком напряжены нервы, – с чувством сказал мистер Ной. – Бегите, мои дорогие дети, чтобы доставить удовольствие мне, очень старому человеку, у которого слабое здоровье и плохое настроение.

– Но как ...

– О, вы просто уходите. Ты, мой мальчик, можешь переодеться в халат, который, как я вижу, лежит вон на том стуле, а я оставлю тебе свой плащ, девочка.

Они оба сказали "Спасибо", и Люси добавила:

– Но как?

– Через дверь, – сказал судья. – Есть правило, пленные не убегают, потому что дают клятву, но пленным не было так давно, вряд ли вы давали клятву, правда? Вы можете просто выйти за дверь. В городе есть много благотворителей, которые помогут вам спрятаться. Ключ от входной двери легко поворачивается, и я сам смазываю его, когда выхожу. До свидания, большое спасибо, что согласились на мою маленькую идею. Примите благословение старика. Только не говорите тюремщику. Он никогда мне этого не простит.

Он встал с циновки, свернул ее и пошел.

– Ну, – сказала Люси.

– Ну, – сказал Филипп.

– Полагаю, мы пойдем? – спросил он.

– А как насчет тюремщика? – спросила Люси. Разве он не поймает его, если мы убежим?

Филипп чувствовал, что такое может случиться. Это было досадно и так же неприятно, как быть связанным клятвой.

– Черт побери! – вот что он сказал.

И тут вошел тюремщик. Он выглядел бледным и встревоженным.

– Мне ужасно жаль, – начал он. – Я думал, что буду рад видеть вас здесь, но у меня все равно нервы на пределе. Сам звук ваших голосов. Я не могу написать ни строчки. У меня голова идет кругом. Не будете ли вы так добры сделать для меня одну маленькую вещь? Вы не могли бы сбежать?

– Но разве у вас не будет неприятностей?

– Хуже этого ничего быть не может, – с чувством сказал тюремщик. – Я и не подозревал, что детские голоса так пронзительны. Идите, идите. Я умоляю вас бежать. Только не говорите об этом судье. Я уверен, что он никогда бы мне этого не простил.

Дети подождали, пока звон ключей тюремщика затихнет на лестнице, открыли дверь, сбежали по многочисленным ступеням и выскользнули из тюремных ворот. Некоторое время они шли молча. Вокруг было полно людей, но никто, казалось, не замечал их.

– В какую сторону мы пойдем? – спросила Люси. – Жаль, что мы не спросили его, где живут Благотворители.

– Я думаю ... – начал Филипп, но Люси не суждено было узнать, что он думает.

Внезапно раздался крик, стук лошадиных копыт, и все лица на площади повернулись в их сторону.

– Они нас заметили! – воскликнул Филипп. – Беги, беги, беги!

Он сам побежал к воротам, стоявшим на верхней ступеньке лестницы, по которой они поднялись, а за ним послышались крики и топот преследователей. Капитан стоял в воротах один, и как только Филипп подошел к воротам, капитан свернул в караульное помещение и притворился, что ничего не видит. Филипп никогда не бегал так далеко и так быстро. Дыхание его прерывалось глубокими рыданиями, но он добрался до лестницы и начал быстро спускаться. Это было легче, чем идти вверх.

Он был почти внизу, когда весь лестничный мост дико подпрыгнул в воздух, и он упал с него и покатился по густой траве этой бескрайней прерии.

Воздух вокруг него был наполнен громкими звуками, похожими на шум землетрясений, которые разрушают прекрасные большие дворцы и фабрики, большие, но не красивые. Это было оглушительно, это было бесконечно, это было невыносимо.

И все же он должен был вынести это, и даже больше. И тут он ощутил странное припухлое ощущение в руках, потом в голове – потом во всем теле. Это было очень больно. Он перевернулся в агонии и увидел совсем близко ногу огромного великана. На ноге был большой, плоский, уродливый башмак, и казалось, что он появился из-за серых, низко висящих, колышущихся занавесок. Там тоже была гигантская колонна, черная на фоне серого. Лестничный мостик, опущенный вниз, лежал на земле недалеко от него.

Боль и страх охватили Филиппа, и он перестал что-либо слышать, чувствовать или знать.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит под столом в гостиной. Чувство отека прошло, и он, казалось, был не больше своего нормального размера.

Он видел плоские ноги сиделки и нижнюю часть ее серой юбки, а дребезжание и грохот на столе наверху говорили ему, что она делает то, что обещала, и разрушает его город. Он увидел также черную колонну, служившую ножкой стола. Время от времени няня уходила, чтобы положить на место то, что он использовал в здании. А потом она залезла на стул, и он услышал звяканье капель люстры, когда та закрепляла их обратно.

– Если я буду лежать очень тихо, – сказал он, – может быть, она меня не увидит. Но мне интересно, как я сюда попал. И о каком сне можно рассказать Хелен!

Он лежал очень тихо. Няня его не видела. И когда она ушла завтракать, Филипп выполз наружу.

Да, город исчез. Ни малейшего следа. Сами столы вернулись на свои места.

Филипп вернулся на свое обычное место, которое, конечно же, было постелью.

– Какой чудесный сон, – сказал он, свернувшись калачиком под простыней, – а теперь все кончено!

Конечно, он ошибался.

Потеря

Филипп заснул, и ему приснилось, что он снова дома и что Хелен пришла к его постели, чтобы позвать его, ведя за собой белого пони, который должен был стать его собственным. Это был пони, который выглядел достаточно умным для чего угодно, и он не удивился, когда тот пожал ему руку, но когда он сказал: "Ну, нам пора", – и начал пытаться надеть туфли и чулки Филиппа, Филипп крикнул: "Эй, я говорю, прекрати это", и проснулся в комнате, полной солнечного света, но без пони.

– Ну что ж, – сказал Филипп, – Пожалуй, мне лучше встать. – Он взглянул на свои новые серебряные часы, один из прощальных подарков Хелен, и увидел, что они показывают десять.

– Послушайте, вы знаете, – сказал он часам, – с вами не все в порядке. И он потряс часы, чтобы те одумались. Но часы по-прежнему говорили "десять" совершенно ясно и безошибочно.

Теперь завтрак в Грейндж начинался в восемь. И Филипп был уверен, что его не звали.

– Это недоразумение, – заметил он. – Должно быть проблема в часах. Может быть, они остановились.

Но они не остановились. Следовательно, прошло уже два часа после завтрака. В тот момент, когда он подумал об этом, он почувствовал сильный голод. Он встал с постели, как только понял, насколько проголодался.

Вокруг никого не было, так что он отправился в ванную и провел счастливый час с горячей и холодной водой, коричневым виндзорским мылом, мылом для бритья, щеткой для ногтей, щеткой для тела, мочалкой, ванной и тремя губками. До сих пор ему не удавалось досконально исследовать и насладиться всем этим. Но теперь некому было вмешиваться, и он наслаждался собой до такой степени, что совершенно забыл удивиться, почему его не позвали. Он подумал о стихотворении, которое Хелен сочинила для него, о ванне. Закончив играть, он лег на спину в очень горячую воду и попытался вспомнить стихи. К тому времени, как он вспомнил стихи, вода уже почти остыла. Они назывались "Мечты о жизни великана", и звучали так:

Мечты о жизни великана

Кем я был когда-то давным-давно?

Я оглядываюсь назад, и я вижу себя. Мы растем.

Так изменился я за эти годы, что я почти ничего не вижу.

Как то, на что я оглядываюсь, может быть мной?

Славный и великолепный, как великан, я стоял

На белом утесе, увенчанном темнеющим лесом.

Подо мной, безмятежные, яркие и сверкающие,

Ровные воды прекрасной бухты лежали.

Ее окружали белые скалы – спокойные и светлые

Она спала в теплом и безмолвном воздухе.

Я стоял один – голый и сильный, прямо.

И тело мое блестело в чистом золотистом свете.

Я видел под собой всю воду.

Я что-то ждал, и это был я.

Я наклонялся, нырял, волны плескались надо мной.

Я лежал, великан в маленьком море.

Белые скалы кругом, увенчанные лесом, и так я лежал,

Я видел славу умирающего дня.

Ни один ветерок не потревожил мое море; солнечный свет сиял.

Как будто он проникал сквозь окна из золотого стекла.
Белые скалы вздымались надо мной и вокруг.
Лежало чистое море, чистое, совершенное и глубокое;
И я был хозяином скал, моря,
И золотого света, который сиял надо мной.
За много миль отсюда простиралась равнина,
Поднимающаяся, как скалы из тихого майна.
На них можно было бы построить маяк, чтобы показать
странствующим кораблям тот путь, которым они не должны идти.
Я был хозяином этого опоясанного скалами моря.
Я плескал руками, волны накатывали на меня,
И в ямочках моего тела были
маленькие каменные пруды, где могли бы играть маленькие морские звери.
Я нашел лодку, ее палуба была продырявлена;
Я запустил ее, и она бросила вызов бурям судьбы.
Ее шерстяной парус выделялся на фоне неба,
поддерживаемый мачтой из слоновой кости.
Другая лодка гордо подплыла к моей руке,
На ее палубе стояла тысяча копий;
Я запустил ее, и она полетела на полной скорости, яростно и быстро.
Против лодки с мачтой из слоновой кости
И шерстяной парус, и перфорированная палуба.
Эти двое пошли ко дну в одном колоссальном крушении!
Под волнами я гонялся радостной рукой
На ложе воображаемого песка
Скользкая коричневая морская мышь убежала,
Там, где была глубокая пещера под моим коленом.
Но я поймал ее, наконец, в клетку, как и остальных
На мелководье моей погруженной груди.
Потом, пока я лежал, завернутый как бы в какую-то руку
сладостного мира вод мягких и теплых,
воскликнул громкий голос с какого-то далекого невидимого берега,
и я больше не был великаном.
– Выходи, выходи, – закричал властный голос,
– Ты здесь уже четверть часа.
Вода холодная ... Пойдемте, мастер Фил, у вас вся голова
мокрая, и вам пора в постель.
Я поднялся весь мокрый из волшебного моря
И оставил корабли, которые были
Мыльницей с перфорированной декой,
Щеткой для ногтей, потерпевшей крушение,
Фланелевым парусом, зубной щеткой, которая была мачтой,
Гладкой мыльной мышью
Наконец—то я оставил их всех.
Я вышел из этого волшебного моря и заплакал.
Потому что пришло время, когда я должен высохнуть
и оставить великолепие радости великана
и ложиться спать – маленький, хорошо вымытый мальчик.

Когда он окончательно вспомнил стихи, то принял еще один душ, а затем, наладившись горячими грубыми полотенцами из сушильного шкафа, вернулся в свою комнату, чтобы одеться. Теперь он почувствовал, как сильно хочет позавтракать, поэтому оделся со всей возможной скоростью, даже забыв как следует завязать шнурки. Он так торопился, что уронил свой воротник, и только нагнувшись, чтобы поднять его, вспомнил свой сон. Вы знаете, это действительно был первый раз, когда он думал об этом. Сон – вот уж действительно было бы о чем думать.

Завтрак был действительно важной вещью. Он спустился вниз очень голодный. – Я попрошу завтрак, как только спущусь, – сказал он. – Я спрошу у первого встречного, – и он никого не встретил.

Ни на лестнице, ни в холле, ни в столовой, ни в гостиной никого не было. В библиотеке и бильярдной не было живых людей, а дверь детской была заперта. Итак, Филипп направился в те места, что находились за обитой сукном дверью, где находились помещения для слуг. И никого не было ни в кухне, ни в зале для прислуги, ни в кладовой дворецкого, ни в судомойне, ни в прачечной, ни в кладовой. Во всем этом большом доме, а он был гораздо больше, чем казался с фасада, из-за длинных крыльев, которые тянулись по обеим сторонам сзади, – во всем этом большом доме не было никого, кроме Филиппа. Он убедился в этом еще до того, как побежал наверх и заглянул во все спальни, и в маленькую картинную галерею, и в музыкальную комнату, и в спальни слуг, и на самый чердак. На этих чердаках были интересные вещи, но Филипп вспомнил об этом только потом. Теперь он несся вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Все двери комнат были открыты, как он их и оставил, и почему-то эти открытые двери пугали его больше всего. Он побежал по коридорам, вниз по лестнице, мимо открытых дверей, через заднюю кухню, по заросшей мхом дорожке вдоль кирпичной стены, мимо трех тисовых деревьев и монтажного блока к конюшне. И там никого не было. Ни кучера, ни конюхов. И никого не было ни в конюшне, ни в каретном сарае, ни на чердаке.

Филипп почувствовал, что не может вернуться в дом. Должно быть, случилось что-то ужасное. Возможно ли, чтобы кто-нибудь захотел заполучить слуг Грейнджа настолько, чтобы похитить их? Филипп подумал о няне и понял, что, по крайней мере для нее, это невозможно. Или, может быть, это была магия! Происходит что-то вроде Спящей Красавицы! Только все они исчезли, вместо того чтобы просто уснуть на сто лет.

Он был один посреди конюшенного двора, когда эта мысль пришла ему в голову.

– Может быть, их просто сделали невидимыми. Может быть, они все здесь, наблюдают за мной и смеются надо мной.

Мысль была не из приятных.

Вдруг он выпрямил свою маленькую спину и запрокинул голову.

– Они все равно не увидят, что я напуган, – сказал он себе. И тут он вспомнил о кладовке.

– Я еще не завтракал, – объяснил он вслух, чтобы его могли услышать невидимые люди. – Мне пора завтракать. Если мне его никто не даст, я возьму свой завтрак.

Он ждал ответа. Но никто не пришел. На конюшенном дворе было очень тихо. Тишину нарушали только стук недоуздки о ясли, стук копыт по камням конюшни, воркование голубей и шорох соломы в ящике.

– Очень хорошо, – сказал Филипп. – Я не знаю, что, по-вашему, мне следует есть на завтрак, поэтому я возьму то, что думаю.

Он глубоко вздохнул, стараясь набраться храбрости, расправил плечи еще более по-солдатски, чем прежде, и прошел через заднюю дверь прямо в кладовую. Затем он взял то, что, по его мнению, должен был съесть на завтрак. Вот что он придумал:

1 вишневый пирог,

2 заварных пирожных,

1 холодная колбаса,

2 кусочка холодного тоста,
1 кусок сыра,
2 лимонных сырника,
1 маленький пирог с вареньем (остался только один), сливочное
масло, 1 пирожок.

– Какие забавные вещи едят слуги, – сказал он. – Я никогда не знал. Я думал, что тут есть только баранина и рис.

Он положил всю еду на серебряный поднос и вынес его на террасу, расположенную между двумя крыльями в задней части дома. Потом он вернулся за молоком, но его нигде не было видно, и он достал белый кувшин, полный воды. Ложек он не нашел, зато нашел разделочную вилку и ломтик рыбы. Вы когда-нибудь пробовали есть вишневый пирог с кусочком рыбы?

– Что бы ни случилось, – сказал себе Филипп, поглощая вишневый пирог, – что бы ни случилось, нужно хорошо позавтракать", – и он откусил щедрый дюйм от холодной колбасы, которую наколот вилкой.

И теперь, сидя на солнышке и все меньше и меньше ощущая голод по мере того, как он поглощал ломтики рыбы на вилке мяса, он мысленно возвращался к своему сну, который начал казаться все более и более реальным. А если бы это действительно случилось? Возможно, так оно и было; волшебные вещи, похоже, случались. Посмотрите, как все люди исчезли из дома – возможно, и из мира тоже.

– Предположим, все исчезли, – сказал Филипп. – Предположим, я единственный человек в мире, который не исчез. Тогда все на свете будет принадлежать мне. Тогда я мог бы иметь все, что есть во всех игрушечных магазинах, – и его ум на мгновение с нежностью остановился на этой прекрасной идее.

Затем он продолжил. – А если я тоже исчезну? Возможно, если я исчезну, то смогу увидеть других людей, которые исчезли. Интересно, как это делается?

Он затаил дыхание и изо всех сил попытался исчезнуть. Вы когда-нибудь пробовали это? Это не у всех легко получается. Филипп вообще не мог этого сделать. Он затаил дыхание и старался, старался, но чувствовал себя все толще и толще, и все больше и больше, словно вот-вот лопнет. Поэтому он перевел дыхание.

– Нет, – сказал он, глядя на свои руки, – я не стал более невидимым, чем был раньше. Думаю, не на много, – задумчиво добавил он, глядя на то, что осталось от вишневого пирога. – Но этот сон ...

Он глубоко погрузился в воспоминания, которые были для него подобны плаванию в водах волшебного озера.

Внезапно его выдернули из озера голоса. Это было похоже на пробуждение. Там, за зеленым парком, за провалившейся оградой, шли люди.

– Значит, не все исчезли, – сказал он, подхватил поднос и взял его. Он спрятал его под полкой кладовки. Он не знал, кто эти люди, которые должны были прийти, а лишняя осторожность не помешает. Потом он вышел и, притаившись в тени красного контрфорса, услышал, как их голоса звучат все ближе и ближе. Они все заговорили одновременно, в той быстрой заинтересованной манере, которая заставляет вас быть уверенным, что произошло что-то необычное.

Он не мог точно расслышать, о чем они говорили, но уловил слово: "Нет".

– Конечно, я спрашивал.

– Полиция.

– Телеграмма.

– Да, конечно.

– Лучше удостовериться.

Когда все заговорили разом, не было никакой возможности понять, о чем говорят. Филипп был слишком занят тем, что прятался за контрфорсом, чтобы разглядеть, кто это разговаривает. Он был рад, что хоть что-то произошло.

– Теперь мне будет, о чем подумать, кроме няни и моего прекрасного города, который она разрушила.

Но что же все-таки произошло? Он надеялся, что никто не пострадал или не сделал ничего плохого. Слово "полиция" всегда вызывало у него неловкость с тех пор, как он увидел мальчика ростом не больше его самого, которого тащил по дороге очень крупный полицейский. Филиппу сказали, что мальчик украл буханку. Филипп никогда не мог забыть лицо этого мальчика; он всегда вспоминал его в церкви, когда там говорилось "узники и пленники", и еще больше, когда там говорилось "опустошенные и угнетенные".

– Надеюсь, это не так, – сказал он.

И он медленно заставил себя покинуть укрытие красного кирпичного контрфорса и последовать к дому за теми голосами и теми шагами, которые прошли мимо него.

Он пошел на звук их шагов на кухню. Кухарка была в слезах и в виндзорском кресле. Кухарка, в чепце, сдвинутом набок, плакала, и по грязным щекам текли слезы. Там был кучер, очень красный, и конюх без гетр. Няня была там, опрятная, как всегда, но Филипп обрадовался, когда более тщательный осмотр показал ему, что на ее больших туфлях и нижней части юбки была грязь, а на платье – большая треугольная дыра.

– Я бы не допустил этого и за двадцать купюр, – говорил кучер.

– Джордж, – обратилась нянька к конюху, – иди и приготовь лошадь. Я напишу телеграмму.

– Лучше возьми Мяту, – сказал кучер. – Она самая быстрая.

Конюх вышел, пробормотав себе под нос: "Научи свою бабушку", что Филипп счел грубым и неуместным.

Филипп незаметно стоял у двери. Он ощутил то чувство трепета, если не удовольствия, но больше похожее на него, чем на что—либо другое, которое мы все испытываем, когда происходит что-то реальное.

Но что случилось? Что?

– Лучше бы я никогда не возвращалась, – сказала няня. – Тогда никто не смог бы сказать, что это моя вина.

– Не важно, что они скажут, – сказала кухарка, перестав плакать. – Дело в том, что это случилось. О, боже мой! Я бы предпочла, чтобы меня выгнали без жалования, чем это случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.